

Всё дело в пуговице

Александр Кибовский

В прошлом номере мы на примере портрета Михаила Лермонтова рассказали о том, как неверное применение знаний в области военной формы способно надолго изменить судьбу произведения. Похожая судьба постигла картину, известную в лермонтоведении как «вульффертовский портрет». Парадоксально, но его неверная атрибуция по сей день считается классическим примером того, как можно определять портреты по деталям мундира.

Так называемый «вульффертовский» портрет корнета Кавалергардского Её Величества полка. 1830–1840-е годы. Холст, масло. 60 x 48,3 см. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля

Яков Давидович.
Фото из некролога. Журнал
«Известия вузов» / «Правоведение». —
1964. — № 4. — С. 154

В октябре 1914 года в России широко отметили столетие со дня рождения Михаила Лермонтова. Петроградский журнал «Современник» напечатал статью «Лермонтов в живописи», в которой поместил овальный портрет офицера из коллекции московского правоведа Владимира Вульфферта. Владелец считал его изображением поэта и подарил фотографию портрета в Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище, откуда после революции она попала в Пушкинский Дом Академии наук СССР.

В 1937 году снимок увидел литературовед Иракий Андроников и решил разыскать в Москве оригинал картины. Увы, сноха Вульфферта, переезжая на новую квартиру, продала раму портрета барахольщику, который по недосмотру утащил её вместе с холстом. Портрет едва не погиб, но в конце концов в 1938 году москвичка Елизавета Слоева принесла его в Государственный литературный музей.

В 1939 году Литмузей провёл большую выставку лермонтовских фондов. На ней впервые показали «вульффертовский» портрет, как теперь его стали называть. Прямо в зале состоялся разговор между Андрониковым и крупнейшим исследователем иконографии поэта Николаем Пахомовым, который категорически заявил: «Только ведь это не Лермонтов, теперь уже окончательно.

— Как — не Лермонтов? Кто же?
— Да просто себе офицерик какой-то.
— Почему вы решили?
— Да по мундиру.
— А что же с мундиром?
— Офицер инженерных войск получается, вот что! Поглядите, доро-

гой мой: на воротнике сюртука у него кант... красный! А красные выпушки и серебряный прибор были в те времена в инженерных войсках. Тут уж ничего не поделаешь.

— Значит?..

— Значит, ясно: не Лермонтов».

Тогда Андроников обратился к специалисту по истории военного костюма Якову Давидовичу. Об этом человеке стоит рассказать особо. В его официальном некрологе, напечатанном в 1964 году, всё вполне по-советски: доктор юридических наук, профессор, видный теоретик трудового права, педагог, воспитавший многих юристов. Кстати, одним из его учеников был Анатолий Собчак.

Но имелась у Якова Ивановича и другая ипостась. Юным гимназистом он сбежал из Петрограда в Добровольческую армию, воевал, был ранен в Харькове, где остался и закончил в 1923 году университет. Вернувшись в Ленинград, Давидович стал преподавать трудовое право. Но скрытое белогвардейское прошлое, видимо, повлияло на увлечение молодого юриста традициями русской армии. В 1941 году его арестовали. В «Большом доме» следователь избивал профессора томом «Капитала» по голове.

Спасло чудо — военный прокурор оказался бывшим студентом Давидовича. Его выпустили, и он эвакуировался по Дороге жизни. Но, вернувшись в Ленинград, профессор попал под кампанию борьбы с космополитизмом. В 1949 году Давидовича выгнали из университета, он пережил инфаркт... А затем непредсказуемая судьба сделала его преподавателем на курсах прокуроров и следователей, а с 1957 года в Высшей школе МВД СССР!

Но вернёмся к нашему портрету. С его фотографией Андроников отправился к Давидовичу. «Прихожу к нему домой, спрашиваю ещё с порога:

— Яков Иванович, в форму какого полка мог быть одет офицер в девятнадцатом веке, если на воротнике у него красные канты?

— Позвольте... что значит красные? — возмущается Яков Иванович. — Для русского мундира характерно необычайное разнообразие оттенков цветов. Прошу пояснить, о каком красном цвете вы говорите?

— Об этом! — И я протягиваю клочок бумаги, на котором у меня скопирован цвет канта.

— Это не красный и никогда красным не был! — отчеканивает Яков

Иракий Андроников.
Фото 1959 года

**Сноха Вульфферта продала раму
портрета барахольщику**

Иванович. — Это самый настоящий малиновый, который, сколько мне помнится, был в лейб-гвардии стрелковых батальонах, в 17-м уланском Новомиргородском, в 16-м Тверском драгунском и в лейб-гвардии Гродненском полках. Сейчас я проверю...

Он открывает шкаф, перелистывает таблицы мундиров, истории полков, цветные гравюры.

— Пока всё правильно, — подтверждает он. — Пойдём дальше... Если эполет на этом мундире кавалерийский, в таком случае стрелковые батальоны отпадают. Остаются драгуны, уланы и Гродненский гусарский полк. Тверской и Новомиргородский тоже приходится исключить: в этих полках пуговицы и эполеты «повелено было иметь золотые». А на вашем портрете дано серебро. Следовательно, это должен быть Гродненский... А как выглядит самый портрет?

Я показал ему фотографию.

— Вы дитя! — восклицает Яков Иванович. — Это же сюртук кавалериста тридцатых годов. В это время в Гродненском полку введены перемены и на доломаны присвоены синие выпушки. Но сюртуки оливкового цвета сохранены по 1845 год, и до 1838 года на них оставался малиновый кант... Итак, — заключает Яков Иванович, складывая книги высокими стопками, — всё сходится в пользу Гродненского.

— Яков Иванович, — восклицаю я, — вы даже не знаете, какой важности сообщение вы делаете! Ведь на осно-

Знаменитая николаевская шинель с пелериной по форме Кавалергардского полка. С цветной литографии 1862 года Шинель разрешалось подбивать мехом, причём он должен был закрывать снаружи лишь половину воротника

нуну Первой мировой войны! В 1830-е годы воротники сюртуков Тверского драгунского полка были светло-синего цвета. В Новомиргородском уланском полку с 1835 года полагались красные выпушки при серебряных пуговицах. Единственной же гвардейской стрелковой частью в царствование Николая I являлся лейб-гвардии Финский стрелковый батальон, имевший светло-синие выпушки. Гвардейские стрелки с малиновым сукном появились только в 1856 году.

Что касается выпушек гродненских гусар, то Андроников просто извратил слова Давидовича в угоду своей версии. Он также получил мнение криминалиста профессора Сергея Потапова, который, применив совсем новый по тем временам метод фотосовмещения, признал «вульффертовский» портрет изображением поэта. В 1947 году Андроников защитил диссертацию на тему «Разыскания о Лермонтове», а вскоре опубликовал повесть «Портрет».

Но через 20 лет разразился скандал. В журнале «Искусство» вышла разгромная статья полковника Игоря Шинкаренко (заслуженный врач РСФСР, он больше известен как изобретатель пробы Мохова-Шинкаренко — индикаторной трубки контроля трезвости, которую помнят все советские водители). Шинкаренко увлекался историей военного костюма и, изучив доводы Давидовича, пришёл к печальному выводу: «Всё было бы хорошо, если бы эти доводы не грешили против достоверности».

На самом деле никаких оливковых сюртуков у офицеров лейб-гвардии Гродненского гусарского полка не существовало. Их всегда шили из тёмно-зелёного сукна. Кавалерийский или пехотный эполет показан на портрете — в таком ракурсе сказать невозможно. Самое же главное заключается в том, что ещё 27 февраля 1833 года малиновые выпушки на ворот-

Андроников извратил слова Давидовича в угоду своей версии

никах сюртуков в Гродненском полку заменили светло-синими. Ссылка на Давидовича о якобы сохранившихся до 1838 года малиновых выпушках является лишь вольной интерпретацией самого Андроникова. Зачисленный в гродненские гусары 11 октября 1837 года поэт мог носить сюртук только с голубыми выпушками.

«Итак, всё сказанное выше, — резюмировал Шинкаренко, — не оставляет ни малейшего сомнения в том, что на "вульффертовском" портрете изображён офицер в форме, не имеющей никакого отношения к Гродненскому гусарскому полку по состоянию на 1838 год. А раз так, то атрибуция И. Андроникова лишается одного из существенных доказательств и "вульффертовский" портрет не может считаться портретом М. Ю. Лермонтова».

Сторонники версии Андроникова гневно обрушились на Шинкаренко в «Литературной газете»: «Ему неважно, что лицом похож. Важно — мундир не тот... Такая аргументация кажется нам по крайней мере несерьёзной: идентифицируется всё-таки не мундир, а лицо».

В свою очередь целая группа криминалистов Центрального НИИ судебных экспертиз поддержала Шинкаренко и даже напечатала в омской Высшей школе милиции специальную брошюру со сравнительным анализом «вульффертовского» портрета и достоверной иконографии поэта. Их вывод, основанный на новейшем методе графических идентификационных алгоритмов, оказался прямо противоположным заключению профессора Потапова 30-летней давности: «Художник, фор-

мировавший рисунок лица на "вульффертовском" портрете, имел в качестве натуры не М. Ю. Лермонтова, а другое лицо».

Но, несмотря на все разъяснения, неверная атрибуция Андроникова стала классическим примером идентификации портретов по мундиру персоне. В 1984 году её даже включили в учебник по вспомогательным историческим дисциплинам для исторических факультетов педвузов.

Мне удалось изучить оригинал портрета в Литературном музее. На самом

деле понять, красная или малиновая выпушка показана на воротнике, совершенно невозможно. Пахомов, а за ним и Шинкаренко предполагали, что на картине изображён инженер или артиллерист. Но на сюртуке нет полагавшейся им красной выпушки по нижнему краю воротника. В войсках её уважительно называли «учёный кант», поскольку служба таких офицеров требовала специальных знаний.

Внимательно рассматривая портрет, я обнаружил деталь, которая сразу все разъяснила. На правое плечо офицера наброшена шинель, подбитая мехом. У самого края опушённого воротника видна узкая красная полоска с белым полукругом. Никаких сомнений быть не может — так художник обозначил пришитый на воротнике шинели красный суконный клапан с серебряной пуговицей. Такие клапаны при сюртуке с красными выпушками полагались офицерам Кавалергардского Её Величества полка. Судя по золотой звёздочке на эполете, перед нами корнет.

Итак, сегодня мы можем поставить точку в многолетнем споре. На «вульффертовском» портрете изображён корнет Кавалергардского полка, что исключает возможность идентифицировать его как Михаила Лермонтова. Сказать, кто из кавалергардов позировал художнику, довольно трудно: молодой возраст, модная причёска и общая военная форма нивелировали их индивидуальные различия. Ну а больше всего сходства с портретом у... убийцы поэта Николая Мартынова, особенно если судить по хранящейся в Париже акварели князя Гагарина. Но метод «похож-не похож» и так уже много чего натворил в истории с «вульффертовским» портретом... ▽

Автор — кандидат исторических наук, руководитель Департамента культуры города Москвы

Фрагмент «вульффертовского» портрета, на котором виден красный клапан с серебряной пуговицей на воротнике шинели

Император Александр II. Портрет кисти неизвестного художника. 1888 год Государственный Эрмитаж Царь одет в шинель Кавалергардского полка, шефом которого он состоял с 1860 года и до рокового 1 марта 1881 года